

ПРАЗДНОВАНИЕ ВЪ ВОРОНЕЖѢ

СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ И. А. КРЫЛОВА

2 февраля 1868 г.

Ни одинъ изъ писателей нашихъ не удостоился такой почести, какъ И. А. Крыловъ: онъ еще при жизни своей увѣнчанъ былъ 50-лѣтнимъ юбилеемъ, а теперь чтимъ память его уже столѣтнимъ юбилеемъ, — это честь, которую онъ заслужилъ, какъ народный писатель — баснописецъ, по преимуществу, это благодарная память, которая приносится ему благодарнымъ потомствомъ, какъ народному своему учителю. Вся Русь, отъ царскихъ палатъ до хижины простолюдина, куда только проникла грамотность, знаетъ и никогда не забудетъ Дѣдушку-Крылова. И невозможно было бы не почтить его память за его глубоко-поучительныя басни, которыя онъ намъ оставилъ, какъ кодексъ житейской мудрости и непреложныхъ истинъ; нельзя было забыть Дѣдушку-Крылова, какъ общаго нашего учителя, за его чисто-русскій складъ ума, русское добродушіе, русскую легкую, игривую проию, русское себѣ-на-умѣ, за бойкое, мѣткое словцо, какъ говорится, не въ бровь, а въ самый глазъ; это былъ человекъ, съ головы до ногъ проникнутый русскимъ духомъ, русскими житейскими народными потребностями; онъ горячо сочувствовалъ горю и радости, счастію и несчастію; мастерски умѣлъ подмѣчать пороки и недостатки общества, а потому и посвятилъ себя на то, чтобы преслѣдовать и искоренять эти недостатки общества, какъ нравственное зло.

Что басни Крылова близко прилисли по сердцу нашей русской широкой натурѣ, это свидѣтельствуешь то, что они охотно читаются всѣми классами общества безъ исключенія, заучиваются наизусть, а многія изрѣченія ихъ вошли даже въ народныя пословицы и поговорки; наконецъ о народности ихъ свидѣтельствуешь и то, что они расходятся такъ быстро по Русской землѣ и въ такомъ, огромномъ количествѣ.

Извѣстно, что съ 1808 г. въ который вышло первое изданіе басенъ Крылова до самой смерти его (1844 г.), въ продолженіе 36 лѣтъ, вышло и разошлось по Руси басенъ его 77000 экз. Со времени смерти Крылова прошло уже 23 года. Сколько же потомъ еще разошлось? Не знаемъ навѣрное, но можно предполагать, и мы не ошибемся, если скажемъ, что басенъ его разошлось еще столько же экземпляровъ, если не больше, а всего, можетъ быть, болѣе уже двухъ сотъ тысячъ. Такое громадное количество экземпляровъ ясно и громко говоритъ въ пользу очевидной потребности и высокаго значенія ихъ. Замѣчательно, что и критика наша не дерзала произнести о нихъ ни одного невыгоднаго слова, — такъ они прошли безукоризненно, какъ и вышли изъ-подъ пера Крылова. Жаль только одного, что до сихъ поръ они не разобраны критически, не сгруппированы въ одинаковыя отдѣлы по содержанію, цѣли и значенію, не сдѣлано изслѣдованія, по какому именно поводу и какія басни написаны, а это имѣло бы для насъ двойную цѣну; впрочемъ въ последнее время кое-что и выяснено въ этомъ отношеніи (напр. какія басни направлены на пользу просвѣщенія, какія противъ невѣжества, критиковъ и легкомысленныхъ писателей, взяточничества, относительно военныхъ событій и проч.), но многое еще остается выяснить. Назадъ тому лѣтъ 5, мы лично слышали отъ г. Пономарева (С. И.), трудолюбиваго нашего бібліографа, представившаго Академіи Наукъ свои розысканія о Ломоносовѣ, Карамзинѣ и митрополитѣ Евгеніи, что онъ нѣсколько времени уже собираетъ свѣдѣнія по этому вопросу и многое успѣлъ

сдѣлать, но что именно приготовлено имъ къ настоящему юбилею, пока сказать не можемъ.

Давно стало извѣстнымъ, что Москва и Петербургъ собираются праздновать столѣтній юбилей Крылова. Воронежъ никогда не отставалъ отъ подобныхъ литературныхъ предпріятій своихъ собратьевъ. За нѣсколько времени сдѣлалось извѣстнымъ, что и у насъ въ здѣшней гимназіи готовится литературное празднество. Наканунъ 2-го февраля напечатана была въ мѣстной газетѣ и программа, что въ 12 часовъ утра юбилей Крылова будетъ праздноваться литературнымъ чтеніемъ въ Военной Гимназіи, а въ 7 часовъ вечера въ Воронежской Губернской Гимназіи, и приглашались на юбилей любители и почитатели таланта нашего баснописца. Такое распределение въ устройствѣ празднества, было ли оно предусмотрѣнное, или нѣтъ, но дѣйствительно оказалось самымъ удобнымъ, потому что на томъ и другомъ торжествѣ было большое стеченіе публики; самые же акты продолжались въ той и другой гимназіи часа по три; это, конечно, дало публикѣ возможность внимательнѣе выслушать всѣ рѣчи, иначе было бы слишкомъ утомительно для посѣтителей высидѣть 6 часовъ сряду и внимательно слѣдить за чтеніемъ рѣчей.

Обстановка залы Воронежской Военной Гимназіи, гдѣ происходилъ актъ, вполне соответствовала юбилейному празднеству. Передъ портретомъ Государя возвышалась широкая просторная эстрада, покрытая коврами; среди зелени на пьедесталѣ красовался бюстъ Крылова, вокругъ котораго разставлены были группы животныхъ, какъ представители басенъ Крылова.

Вслѣдъ за оркестромъ актъ открытъ былъ рѣчью г. Кильчевскаго о литературныхъ заслугахъ Крылова, какъ драматическаго писателя и журналиста. Затѣмъ г. Спримонъ прочиталъ на Француз. языкѣ двѣ басни Лафонтена (Дубъ и Трость, Волкъ и Ягненокъ) и тѣ же басни Крылова прочитаны г. Ждановичемъ, чтобы сравненіемъ

этимъ показать, что Крыловъ и въ подражаніи остался оригинальнымъ, самобытнымъ поэтомъ. Далѣе г. Бунаковъ читалъ свою статью о педагогическомъ значеніи басенъ Крылова относительно изученія Русскаго языка, подъ заглавіемъ: «Басни, какъ нравственно-педагогическій матеріалъ.» Почтенный авторъ въ рѣчи своей затронулъ весьма интересный вопросъ, что въ выборѣ басенъ, предназначаемыхъ дѣтямъ для чтенія и изученія, надобно обходиться слишкомъ осторожно, что не всѣ басни, по своему иносказательному и отвлеченному характеру и правоученіямъ, пригодны для этого, потому что написаны не для дѣтей. Вслѣдъ за тѣмъ воспитанники гимназій стройнымъ хоромъ пропѣли басню Крылова «Орелъ и Кушка.»

За пѣніемъ была прочтена рѣчь г. Никитинымъ о томъ, какъ въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова выразились нѣкоторыя событія отечественной войны 12-го года. Подобное разъясненіе значенія и смысла басенъ Крылова, какъ мы уже сказали выше, представляетъ неоспоримый интересъ, и мы думаемъ, что нѣкоторые изъ присутствителей, можетъ быть, въ первый разъ слышали примѣнимость такихъ басенъ къ военнымъ событіямъ. Затѣмъ г. Ждановичемъ прочитаны были басни «Василекъ, Вельможи, Прохожіе и собаки,» послѣдняя прочитана сверхъ того на Малороссійскомъ языкѣ, чтобы показать, какъ трудно переводимы басни Крылова на иностранный языкъ, а иныя и вовсе не переводимы, и какъ они легко могутъ быть переданы на Малороссійскомъ языкѣ. Наконецъ юбилейное торжество заключилось хорovýmъ стройнымъ пѣніемъ воспитанниковъ басни Крылова «Осель и Соловей» и народнымъ гимномъ «Боже Царя храни.»

Въ 7 часовъ вечера многочисленная публика собралась на другое юбилейное торжество въ Губернскую Гимназію, что ясно доказываетъ просвѣщенное уваженіе публики къ памяти и литературнымъ заслугамъ Крылова.

Здѣсь хотя не было такой обстановки, которая бы напоминала о Крыловскомъ юбилеѣ, за то рѣчи отличались инымъ характеромъ и показали публикѣ Крылова болѣе въ яркомъ свѣтѣ. Всѣхъ рѣчей было 4. Чтеніе ихъ смѣнялось оркестромъ музыки. Предметомъ первой рѣчи, читанной г. Ковалевскимъ, была краткая біографія Крылова, въ которой, правда, высказывалось болѣе или менѣе извѣстное, но новаго, конечно, ничего нельзя было и сказать (хотя и желательно было бы это), потому что и литература наша ко дню этого юбилея ничего не дала новаго. Теперь только стало уже извѣстнымъ, что г-мъ Кеневичемъ открыты нѣкоторые матеріалы, касающіеся біографіи Крылова и его поэтической дѣятельности, и найдено нѣсколько басенъ, не бывшихъ еще нигдѣ въ печати. Но достаточно и того, что, при чтеніи рѣчи г. Ковалевскимъ, у многихъ слушателей, вѣроятно, кое-что и освѣжилось въ памяти, особенно изъ выдержекъ по описанію 50-лѣтняго юбилея. Послѣ рѣчи г. Ковалевского слѣдовала рѣчь г. Рошункина, предметомъ которой взяты литературныя заслуги Крылова, какъ народнаго русскаго баснописца. Затѣмъ читана была рѣчь г. Ингенницкимъ—«Черты поэзіи Крылова.» Въ рѣчахъ этихъ, которыя мы помѣщаемъ ниже, читатели увидятъ, какъ много высказано серьезнаго о высокомъ талантѣ Крылова, — о тѣхъ дорогихъ заслугахъ для языка и литературы, которыя оказалъ Крыловъ баснями своими въ различныхъ слояхъ общества. Въ заключеніе г. Сценура произнесъ краткую рѣчь, въ которой отдалъ послѣднюю благодарную дань Крылову.

Совѣтъ Гимназіи, желая сохранить память о настоящемъ столѣтнемъ торжествѣ въ честь И. А. Крылова, и извлечь какую либо пользу изъ этихъ рѣчей, опредѣлилъ напечатать ихъ отдѣльнымъ сборникомъ съ благотворительною цѣлію, именно—вырученныя отъ продажи деньги раздать бѣднѣйшимъ ученикамъ въ поощреніе успѣховъ въ наукахъ, особенно въ Русскомъ языкѣ и словесности;

съ этою цѣлію и просилъ Редакцію напечатать всѣ эти рѣчи въ Филологическихъ Запискахъ и отпечатать особо нѣсколько экзempl. этого сборника. Сочувствуя доброму намѣренію совѣта Гимназіи, Редакція охотно исполняетъ эту просьбу. (*)

(*) Хотя рѣчи эти переданы намъ для напечатанія, но такъ какъ рѣчь г. Ковалевскаго почему-то неожиданно появилась напечатанною въ Вор. Губ. Вѣдомостяхъ, то мы и не помѣщаемъ ее здѣсь, а ограничимся, по обѣщанію нашему, помѣщеніемъ оной въ отдѣльныхъ оттискахъ.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ,

КАКЪ РУССКІЙ НАРОДНЫЙ БАСНОПИСЕЦЪ.

(Рѣчь г. Рощупкина.)

Мм. Гг.!

Вамъ уже извѣстны подробности касательно главнѣйшихъ происшествій въ спокойной и вмѣстѣ многообъемлющей жизни И. А. Крылова. Полагаю, нѣтъ ни одного изъ присутствующихъ здѣсь, кто бы не наслаждался прелестью творческихъ созданій, отражающихъ разнообразный и, смѣю сказать, причудливый геній И. А. Крылова, то проникающій въ глубину сердца, то очаровывающій своенравною игрою воображенія, то убѣдительный философической прозорливостію. Въ настоящей бесѣдѣ съ вами, Мм. Гг., позволяю себѣ занять вниманіе ваше мыслями объ И. А. Крыловѣ, какъ русскомъ народномъ баснописцѣ и подѣлиться тѣми соображеніями, на которыхъ часто останавливался я, всматриваясь въ его величавую личность съ оригинальными чертами чисто русскаго характера.

Есть два рода литературныхъ произведеній: одни бываютъ доступны только нѣкоторымъ, избраннымъ

людямъ, въ извѣстномъ возрастѣ, при извѣстной степени образованности; другія, наоборотъ, бываютъ доступны всѣмъ людямъ, во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ состояніяхъ ихъ жизни; къ послѣднему роду литературныхъ произведеній относятся и басни. Басни И. А. Крылова доступны всѣмъ намъ Русскимъ, во всѣхъ возрастахъ и во всѣхъ состояніяхъ жизни: ихъ лепечуть наши дѣти, не понимая еще внутренняго ихъ содержанія, увлекаясь простотою и ясностію веселаго разсказа, инстинктивно чувствуя прелесть выраженій, выраженій чисто-русскихъ, которыя такъ легко даются ихъ дѣтской памяти; ихъ повторяемъ мы, взрослые, глубже анализируя содержаніе и извлекая для себя уроки мудрости; ихъ произносятъ полуграмотные простолюдины, находя доступными своему здравому смыслу истины, сокрытыя въ нихъ; наконецъ, ихъ изучаютъ литераторы, какъ образцы высокаго искусства, какъ образцы, въ которыхъ такъ рельефно выразились черты русской природы въ проявленіи ея вещественной и духовной жизни. Такое значеніе басенъ И. А. Крылова въ средѣ нашей объясняется не тѣмъ, что онѣ вообще хороши, какъ басни, но тѣмъ, что въ нихъ выразилась вполнѣ наша народность. И. А. Крыловъ въ басняхъ своихъ явился народнымъ поэтомъ, и мы съ гордостію можемъ сказать, что имя, характеръ и талантъ его всецѣло принадлежатъ нашей народности. Мы, Русскіе, немного насчитываемъ у себя народныхъ поэтовъ; они являются у насъ особняками, рѣдкими, исключительными явленіями. Причины тому, почему знать, быть можетъ, кроются и въ нашемъ недостаточномъ уваженіи къ своимъ народнымъ произведеніямъ, и въ нашемъ воспитаніи. Недостаточность уваженія къ произведеніямъ роднаго слова такъ прекрасно высказалъ Пушкинъ въ этихъ стихахъ:

«Сокровища роднаго слова,
Замѣтять важные умы,
Для лепетанія чужаго

Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремущки,
А не читаемъ книгъ своихъ».

Воспитаніе наше, основанное на началахъ, выработанныхъ иностранцами, представляло и представляетъ неудобную мѣрку, — мѣрку, подъ которую не всегда укладывается нашъ русскій духовный организмъ безъ поломки. Мы не можемъ назвать наше воспитаніе — воспитаніемъ, созданнымъ нашими трудами, нашими наблюденіями, возросшимъ на родной почвѣ. Воспитаніе наше не имѣло и не имѣетъ въ виду коренныхъ оригинальныхъ чертъ русскаго характера. И. А. Крыловъ прежде всего русскій характеръ и потомъ уже народный поэтъ. Въ характерѣ его нельзя не замѣтить оригинальныхъ чертъ, свойственныхъ вообще русскому характеру. Что же это за черты? Эти черты — неподдатливость системъ въ дѣлѣ воспитанія, медленность развитія въ юношескомъ періодѣ жизни, быстрый успѣхъ потомъ въ этомъ развитіи, сильная энергія дѣятельности въ періодъ возмужалости, и наконецъ, неподвижность, или, такъ сказать, оледенѣлость въ кругу этой дѣятельности, происходящая не отъ истощенія духовныхъ силъ, а скорѣе отъ избытка ихъ. Эти черты русскаго характера не забыты и нашею народною поэзіею; она этими чертами надѣлила богатырей своихъ былинь; возьмите, напримѣръ, старшихъ богатырей былинь — Святотора и Илью Муромца, — какъ они изображены народною творческою фантазіею? Одинъ изъ нихъ «въ сидняхъ сидитъ тридцать три года»; потомъ, чудеснымъ образомъ надѣляется силою богатырскою; другой — совершаетъ неимовѣрные богатырскіе подвиги, и подъ конецъ жизни дѣлается неподвижнымъ отъ избытка силъ, которыми бременить землю. Въ воспитаніи и постепенномъ развитіи характера всѣхъ нашихъ народныхъ геніевъ болѣе или менѣе замѣтите эти оригинальныя черты. Примѣняя все сказан-

ное къ личности И. А. Крылова, нельзя не замѣтить тѣхъ же чертъ и въ его характерѣ. Съ цѣлю подтвердить это, прослѣдимъ жизнь его въ главныхъ фазахъ. И. А. Крыловъ получилъ образованіе далеко не систематическое: онъ учился чему-нибудь и какъ-нибудь; въ дѣтствѣ учился тому, къ чему влекла его охота; въ юношескомъ возрастѣ начинается быстрое развитіе его душевныхъ способностей—онъ начинаетъ сознавать важность и пользу изученія языковъ: выучивается сперва Французскому языку и со всѣмъ усердіемъ предается чтенію французскихъ классиковъ; затѣмъ, выучивается рисованію и музыкѣ, при помощи счастливыхъ способностей, и наконецъ, въ послѣдствіи, изучаетъ Итальянскій языкъ и даже Греческій до свободнаго пониманія сочиненій на этихъ языкахъ. Съ такимъ-то образованіемъ, обязанный болѣе самому себѣ, вступаетъ И. А. Крыловъ въ жизнь, гдѣ начинается полная энергія его разнообразной дѣятельности. Мѣняетъ постоянно мѣста службы, чувствуя неспособность къ занятіямъ такого рода; онъ начинаетъ чувствовать призваніе къ чему-то иному; въ немъ разгорается желаніе добиться извѣстности, и вотъ онъ съ любовію предается литературнымъ занятіямъ,—пытается свой талантъ въ драматическомъ искусствѣ—пишетъ трагедіи; но это ему не удается. Ему начинаетъ казаться, что періодическими изданіями можно пріобрѣсти извѣстность, и вотъ онъ со всею энергіею предается занятіямъ этого рода: работаетъ для своихъ журналовъ, хлопочетъ по содержанію типографіи и ревностно обогащаетъ театр новыми піесами; но и это ему не удается, и вотъ онъ покидаетъ навсегда изданіе журналовъ и снова обращается къ театру; начинаетъ писать комедіи въ прозѣ, быстро поставляя ихъ одну за другою, и въ то же время пишетъ мелкія стихотворенія, подражая Державину. Испытавъ и здѣсь неудачу, И. А. Крыловъ оставляетъ на шесть лѣтъ литературу для развлеченій столицы: прекрасно играя на скрипкѣ, уча-

ствуешь онъ въ пріятельскихъ концертахъ первыхъ тогдашнихъ музыкантовъ; живописцы ищутъ его общества, какъ челоѣка съ отличнымъ вкусомъ. Въ 1806 году, проѣзжая чрезъ Москву въ Петербургъ, И. А. Крыловъ останавливается въ Москвѣ, гдѣ Русская словесность тогда процвѣтала; не только Карамзинъ и Дмитріевъ увлекали молодое поколѣніе, но и Жуковского имя пріобрѣло извѣстность; И. А. Крыловъ вступаетъ въ этотъ кружокъ и здѣсь особенно сближается съ Дмитріевымъ, по совѣту котораго начинаетъ переводить басни Лафонтена, и, послѣ одобрительнаго отзыва того же Дмитріева, серьезнѣй начинаетъ относиться къ этому роду литературной дѣятельности. Такимъ образомъ уже 38 лѣтъ И. А. Крыловъ выходитъ на ту дорогу, которая должна была привести его къ безсмертію. Хотя, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ снова предается страсти къ театру и пишетъ комедіи, однако сознаетъ уже свое призваніе и устремляетъ всю поэтическую дѣятельность на одинъ видъ поэзіи—басню. И здѣсь въ особенности представляется намъ возможнымъ сравненіе его съ Ильею Муромцемъ, старшимъ богатыремъ нашихъ былинъ: тотъ 30 лѣтъ сидитъ сиднемъ, не сознавая, что онъ русскій богатырь; а этотъ почти 40 лѣтъ не сознаетъ, что онъ русскій народный баснописецъ. Сознавъ случайно такимъ образомъ свое назначеніе, И. А. Крыловъ предается вполне этой дѣятельности, а подъ конецъ жизни приходитъ въ состояніе неподвижности, такъ сказать, оледенѣнія въ кругу этой дѣятельности, и опять не отъ истощенія душевныхъ силъ, а скорѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ. Всматриваясь въ это начальное безсистематическое образованіе И. А. Крылова, въ его энергически-подвижную натуру въ началѣ литературной дѣятельности и въ неподвижность въ концѣ, нельзя не убѣдиться въ томъ, что это чисто-русскій характеръ со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными; и,

почемъ знать, быть можетъ, эта немногосложность образованія въ началѣ дала возможность развиться его душевнымъ способностямъ въ той гармоніи, какая необходима для характера чисто-русскаго, чтобы сдѣлаться народнымъ поэтомъ; онъ избѣжалъ ранняго ученія, которое губить юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Всѣмъ этимъ вмѣстѣ нельзя ли объяснить и того, что въ его самобытно-русской душѣ возникла въ истинномъ видѣ русская народная басня, тотъ видъ поэзіи, въ которомъ явился онъ совершеннѣйшимъ образцомъ? И. А. Крыловъ великій народный поэтъ. Два обстоятельства творятъ великихъ народныхъ поэтовъ: натура и исторія. Начала народности поэта заключаются въ его натурѣ, въ духѣ, жизни и развитіи, а обусловливаются исторіею народа, среди котораго рождается поэтъ и историческимъ моментомъ, въ которомъ застаетъ поэтъ современное ему общество. Бѣлинскій говоритъ: «природа вездѣ природа, человѣкъ вездѣ человѣкъ: и въ Китаѣ можетъ родиться поэтъ съ организаціею и духомъ Шиллера, но Шиллеромъ никогда не будетъ, останется китайцемъ: онъ выразитъ своими твореніями бѣдное содержаніе китайской жизни и въ уродливыхъ китайскихъ формахъ; китайцы будутъ имъ восхищаться, но европеецъ не пойметъ его ни въ подлинникѣ, ни въ лучшемъ переводѣ. Таково вліяніе національности на духъ и достоинство твореній поэта: она, эта національность, дѣлаетъ его и великимъ, и ничтожнымъ. Но если бъ этотъ предположенный нами китайскій Шиллеръ и выдвинулся изъ своего народа, усвоивъ себѣ европейскую образованность и европейское знаніе, и тогда бы въ своихъ твореніяхъ былъ онъ только любопытнымъ фактомъ феноменологии духа человѣческаго, а не великимъ явленіемъ въ сферѣ творчества, ибо великій поэтъ можетъ возникнуть только на національной почвѣ». Примѣняя все сказанное къ личности И. А. Крылова, нельзя

не замѣтить, что начала народности заключались въ его натурѣ, что народъ, среди котораго явился онъ, имѣлъ уже исторію, достойную вниманія всѣхъ европейскихъ народовъ, какъ исторію народа, заключающаго въ себѣ богатые задатки для развитія въ будущемъ, и наконецъ, засталъ онъ современное ему общество въ тотъ моментъ его историческаго развитія, когда въ литературѣ его, начавшейся, подобно его цивилизаціи, подражаніемъ и слѣпымъ усвоеніемъ формъ зачиналось стремленіе къ самобытности и національности, и когда каждый успѣхъ ея былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская народная поэзія сперва проблеснула въ басняхъ И. А. Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ, несмотря на то, Русскій языкъ, русская природа и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. И. А. Крыловъ, какъ истинный художникъ, народенъ и націоналенъ безъ усилія; онъ чувствовалъ національность прежде всего въ самомъ себѣ и потому невольно наложилъ печать ея на свои произведенія. «Конечно, чтобы быть національнымъ поэтомъ», говоритъ Бѣлинскій, «нужно сперва быть великимъ человекомъ, представителемъ своей націи; но изъ этого-то и слѣдуетъ, что великій талантъ дѣлаетъ поэта національнымъ, а не національность дѣлаетъ его великимъ поэтомъ: послѣднее есть только необходимое слѣдствіе перваго». Значеніе поэта и вообще писателя въ наше время обусловливается тѣмъ, на сколько въ произведеніяхъ его отразилась дѣйствительность или народность, какъ выраженіе національной дѣйствительности; дѣйствительность и народность—вотъ лозунги и послѣднія слова современнаго намъ міра! Дѣйствительность въ фактахъ, въ знаніи, въ убѣжденіяхъ чувствъ, заключеніяхъ ума,—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Созданія И. А. Крылова не его выдумка: они художественныя созданія съ того оригинала,

который созданъ умопредставленіемъ народа, и поэтъ строго вѣренъ въ нихъ дѣйствительности. И потому всякое лицо, всякій олицетворенный предметъ въ его басняхъ говорить и дѣйствуетъ въ сферѣ своего быта, своего характера и того обстоятельства, подѣ влияніемъ котораго онъ находится. Что же нужно разумѣть подѣ народностію въ поэзіи? Я не знаю лучшей и опредѣленнѣйшей характеристики народности въ поэзіи, какъ ту, которую сдѣлалъ Гоголь въ этихъ короткихъ словахъ: «истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа; когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами». Въ чемъ же заключена эта магическая сила народности, которая всѣхъ насъ влечетъ къ баснямъ И. А. Крылова? Эта народность заключается не въ одномъ умѣннѣи выражаться простымъ Русскимъ языкомъ, но въ искусствѣ воспроизводить образы, взятые изъ народной жизни, и вѣрно изображать картины русской жизни. Такимъ образомъ, чтобы рѣшить вопросъ: на сколько И. А. Крыловъ имѣетъ право назваться русскимъ народнымъ баснописцемъ, нужно показать, на сколько отразились въ басняхъ его русскій умъ, русскій характеръ, Русскій языкъ, русская природа и русская душа.

Русскій умъ олицетворился въ И. А. Крыловѣ и выразился въ его басняхъ. Что же это за умъ? Умъ практическій, наблюдательный, обращенный къ опыту и явленіямъ жизни, умъ выводовъ, тотъ задній умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ, родственныи уму нашихъ пословицъ. Въ басняхъ И. А. Крылова этотъ умъ высказался въ умѣннѣи мысль, малодоступную народу, объяснить вдругъ, удачно примкнувши къ ней пословицу, или мѣткое выраженіе, имѣющее значеніе той же пословицы. Такъ, въ

баснѣ—«Волкъ и Котъ», нарисовавъ картину, какъ трудно бываетъ человѣку въ бѣдѣ, когда онъ, надѣлавъ всѣмъ зла, не имѣетъ ни въ комъ готовности помочь ему въ бѣдѣ, или спасти отъ несчастія, заключаетъ басню пословицею:

...«Самъ себя вини:

Что ты посѣялъ—то и жни».

Или, въ баснѣ—«Левъ и Мышь» высказавъ мысль, что не слѣдуетъ отказывать въ посильной помощи и тѣмъ, отъ которыхъ, по-видимому, нельзя ожидать въ будущемъ никакой для себя пользы, заключаетъ ее пословицею:

«Не попусту въ народѣ говорится:

Не плюй въ колодезь, пригодится

Воды напиться».

Или, басню--«Мышь и Крыса» заключаетъ такъ:

«Я сколько разъ видалъ, примѣйте это

сами:

Когда боится трусь кого,

То думаетъ, что на того

Весь свѣтъ глядитъ его глазами».

Смыслъ этого заключенія не близокъ-ли смыслу нашей пословицы: «У страха глаза велики»?

Или, въ баснѣ—«Квартетъ», въ дѣйствующихъ лицахъ которой, попрекнувши высшихъ сановниковъ за споры, кому въ общемъ засѣданіи первенствовать, заключаетъ ее мѣткими словами, напоминающими народный складъ ума:

«А вы, друзья, какъ не садитесь,

Все въ музыканты не годитесь».

И въ каждой почти баснѣ можно находить примѣры для подтвержденія вышесказанной мысли.

Въ каждой баснѣ И. А. Крыловъ съ начала до конца выдерживаетъ характеръ оригинальнаго русскаго поэта. Въ басняхъ его все оригинально—и тонъ разсказа, и ходъ событія, и отдѣлка стиха. Припомните себѣ басню—«Демьянова Уха»: въ тонѣ разсказа этой басни не слышится-ли вамъ разговоръ двухъ

русскихъ мужичковъ, изъ которыхъ одинъ, какъ истый хлѣбосоль, угощаетъ другаго, пріятеля своего, ухю, не щадя похвалъ съ цѣлю заставить друга съѣсть побольше? И нельзя притомъ не замѣтить естественности самаго разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Ходъ самаго событія не вѣренъ-ли дѣйствительности? Не ясно-ли представляется вамъ образъ русскаго мужичка, который сперва постепенно удовлетворяетъ своему аппетиту по мѣрѣ просьбъ хозяина, потомъ, досыта наѣвшись, снимаетъ кушакъ, полагая, что при такихъ обстоятельствахъ можно еще съѣсть ухи, и наконецъ, поставленный въ совершенную невозможность—удовлетворить просьбѣ хозяина—«съѣсть ухи еще тарелочку», бѣжитъ домой, «схватя въ охапку кушакъ и шапку». Прослѣдите теперь за отдѣлкою стиховъ;—вездѣ стихъ его громокъ, звученъ, ярокъ и послушенъ мысли автора: гдѣ нужно выразить просьбу, тамъ стихъ увѣсистъ; гдѣ повѣствуетъ авторъ отъ своего лица, тамъ стихъ длиненъ, тягучъ; гдѣ нужно выразить быстроту дѣйствія, тамъ стихъ быстръ, летучъ, какъ муха. Слѣдующіе стихи:

«Сосѣдушка мой свѣтъ!

Пожалуй-ста покушай»!

—«Сосѣдушка! Я сытъ по горло». — «Нужды нѣтъ,

Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена»!

Не послушны-ли мысли автора: не выражаютъ-ли такъ естественно покорнѣйшей просьбы хлѣбосола-мужичка, направленной къ пріятелю-сосѣду?

И далѣе, сколько медленности въ слѣдующихъ стихахъ, когда авторъ начинаетъ повѣствовать отъ себя:

«Такъ потчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,

И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;

А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ».

И наконецъ, сколько легкости въ этихъ стихахъ, выражающихъ быстроту дѣйствія:

Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схвати въ охапку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой».

Эта оригинальность сообщена и переводнымъ баснямъ И. А. Крылова, въ которыхъ нельзя встрѣтить ни перевода, ни подражанія: онѣ, видимо, восприняты душою поэта, и, перерожденные въ ней, явились на свѣтъ чисто-русскими оригинальными. Не потому ли переводы и подражанія И. А. Крылова выходили несравненно выше подлинника?

Въ басняхъ И. А. Крылова Русскій народный языкъ получилъ изящныя формы, слившися съ общою нашею поэтической рѣчью; въ языкѣ его басень гармонически и художнически слились всѣ стихіи разнообразной отечественной рѣчи. Чѣмъ же объяснить это? Тѣмъ, что И. А. Крыловъ въ совершенствѣ овладѣлъ народнымъ языкомъ, воспринявъ въ душу свою и сердце ясный образъ самаго народа, что болѣе всего необходимо для того, чтобы отразить въ твореніяхъ своихъ всѣ отличія, всѣ красоты спеціальной народной жизни и поэзіи. Въ языкѣ каждаго народа отражается его умопредставленіе, дѣятельность его воображенія, чувства, страсти, словомъ сказать, языкъ является полнымъ выраженіемъ народной жизни. Въ басняхъ И. А. Крылова встрѣчаемъ мы тотъ Русскій языкъ, который, заключивъ въ себѣ все богатство народнаго умопредставленія, составляетъ нашу собственность. Создать такой языкъ могъ И. А. Крыловъ, изучивъ напередъ жизнь народа и его быть. И въ самомъ дѣлѣ, изучалъ онъ этотъ быть, но не въ описаніяхъ, не на быстромъ скаку лихой тройки; онъ изучалъ его среди младенческихъ игръ и первыхъ впечатлѣній юности, въ живомъ соприкосновеніи съ его радостями и страданіями, у самаго сердца народа, котораго слабости и недостатки носилъ въ соб-

ственномъ сердцѣ. Отсюда понятно, почему языкъ басенъ И. А. Крылова богатъ народными выраженіями и представляетъ самые живые образы истинно-русской рѣчи. Въ языкѣ его басенъ заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка. Онъ ввелъ въ употребленіе новыя слова, старымъ далъ новую жизнь; его эпитетъ столько же смѣлъ, оригиналенъ, какъ и рѣзко точенъ, математически опредѣленъ. Въ языкѣ его басенъ находимъ сжатость и бойкость слога, что совершенно согласно съ духомъ народной рѣчи: описываетъ-ли онъ предметъ, на описаніе это не тратитъ лишнихъ словъ;—рисуетъ-ли картину, она выходитъ яркою вслѣдствіе обозначенія ея немногими, но характерными чертами;—высказываетъ-ли мысль, заключаетъ ее въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ. Вспомните описаніе его—пѣнія соловья:

«Защелкалъ, засвисталъ

На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;

То нѣжно онъ ослабѣвалъ,

То томной вдалекѣ свирѣлью отдавался».

Или другое описаніе—поѣздъ съ горшками:

«По камнямъ, рытвинамъ, пошли толчки,

Скачки,

Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!

Прощай, хозяйскіе горшки!»

Идіотизмы, т. е. обороты, исключительно свойственные Русскому языку, встрѣчаются въ басняхъ И. А. Крылова почти въ каждомъ стихѣ. Указать эти идіотизмы и объяснить, на сколько свойственны они народной рѣчи—можетъ послужить темою для отдѣльнаго спеціальнаго сочиненія. Я позволяю себѣ только замѣтить здѣсь, что разнообразіе языка И. А. Крылова возникло изъ живаго пониманія русской народной рѣчи, и потому языкъ этотъ есть наша собственность; этимъ объясняется и то, что басни И. А. Крылова представляютъ трудности, почти невозможность, для переводчиковъ при передачѣ ихъ на другой языкъ. Вспомните то время, когда жилъ въ Па-

рижѣ соотечественникъ нашъ графъ Орловъ, въ домѣ котораго собирались всѣ знаменитые тогдашніе ученые и литераторы, въ средѣ которыхъ возникла мысль о лучшемъ переводѣ басенъ И. А. Крылова на Французскій языкъ; всѣ изъявили готовность участвовать въ этомъ дѣлѣ, и 57 талантовъ соединилось, чтобы одолѣть одинъ, и чѣмъ же дѣло кончилось? Всѣхъ басенъ переведено было 89-ть; но басни эти вышли не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ И. А. Крыловъ приготовилъ темы. Такъ, напримѣръ, герцога Бассано, въ баснѣ—«Червонецъ», вмѣсто 38 стиховъ И. А. Крылова, помѣстилъ въ 69 стихахъ рассказъ о крестьянинѣ и какомъ-то прохожемъ. Амори Дюваль, въ баснѣ—«Троеженецъ», болѣе 20-ти стиховъ сочинилъ, чтобы перевести два первые стиха подлинника. По общему признанію, переводъ Альфреда Бужо болѣе удаченъ, но и этотъ переводъ далеко не вноситъ русской природы во французскую рѣчь. Такого рода факты вполне подтверждаютъ ту мысль, что басни И. А. Крылова, заключивъ въ себѣ поэтическое воспроизведеніе умопредставленія народа, составляютъ нашу собственность, и потому, чтобы чувствовать ихъ красоты и наслаждаться ими, нужно или родиться русскимъ, или сдѣлаться имъ, напередъ полюбивъ все русское.

Въ басняхъ И. А. Крылова живетъ русская природа: люди, звѣри и предметы неодушевленные взяты имъ изъ русской природы и имъ сообщена та жизнь, которою они живутъ въ умопредставленіи народа, и даже предметамъ, взятымъ не изъ русской природы, въ переводныхъ басняхъ, сообщена та же жизнь. Чтобы рѣшить вопросъ — на сколько въ этомъ отношеніи И. А. Крыловъ можетъ назваться народнымъ поэтомъ, — нужно показать, на сколько изображенія звѣрей въ басняхъ его согласны съ таковыми же изображеніями у народа. Конечно, еще не наступило то время, когда возможно было бы вполне непогрѣшительно опредѣ-

И говоритъ такъ сладко, чуть дыша...

Лукавою является она въ баснѣ—«Волкъ и Лисица», когда потчуетъ волка:

«Бѣдняжка—гуманекъ!

Да не изволишь-ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:

Я куму услужить готова».

Типъ лицемѣра является она собою въ баснѣ—«Добрая Лисица», когда, сидя на камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ, уговариваетъ птицъ помочь бѣднымъ дѣткамъ малиновки.

Волкъ въ народныхъ сказкахъ является звѣремъ простодушнымъ, ненаходчивымъ, способнымъ поддаться обману, особенно когда встрѣчается съ лисичкою-сестричкою, животнымъ глупымъ, жаднымъ, рассчитывающимъ только взять зубами и изрѣдка трусливымъ. Въ басняхъ И. А. Крылова представленъ онъ такимъ же глупымъ, хитрымъ звѣремъ, съ характеромъ грабителя и сильнаго звѣря; въ немъ олицетворены—насиліе, жадность и безнаказанность властнаго плута, который всегда найдетъ поводъ придушить того, кто послабѣе, а при случаѣ умѣетъ и лицемѣрить. Такъ, въ баснѣ—«Волкъ на Псарнѣ»—волкъ, пойманный на псарномъ дворѣ...., «сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ, зубами щелкая и ощетиня шерсть», и такую держитъ рѣчь къ толпѣ, вышедшей противъ него съ кольями:

...«Друзья! Къ чему весь этотъ шумъ?

Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,

Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;

Забудемъ прошлое, усталимъ общій ладъ»!

Или, въ баснѣ—«Волкъ и Ягненокъ», съ какою нахальностію сильнаго обращается онъ къ ягненку, пришедшему къ ручью напиться, желая дать законный видъ безчестному дѣлу:

«Какъ смѣешь ты, нечистымъ
рыломъ

Здѣсь чистое мутить питье

Мое

Съ пескомъ и съ иломъ?

За дерзость такую

Я голову съ тебя сорву».

Медвѣдь весьма типично изображенъ въ произведеніяхъ народной поэзіи; онъ является сильнымъ звѣремъ, неповоротливымъ, за что и называется ко-солапымъ; идетъ-ли онъ по лѣсу, только лѣсъ трещить, переваливаетъ пропасть деревьевъ; онъ любитель меда; онъ тяжелъ на подъемъ, тяжелъ и на соображеніе. Такимъ изображенъ онъ и у И. А. Крылова. Напр. въ баснѣ — «Трудолюбивый Медвѣдь» — онъ гнетъ дуги такъ, что

«Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,

И слышно за версту проказу.

Орѣшника, березника и вязу

Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,

А не дается ремесло».

Хотя въ этой баснѣ изображенъ медвѣдь не столько неуклюжимъ и неловкимъ, сколько нетерпѣливымъ, за то въ баснѣ — «Пустынникъ и Медвѣдь», онъ вполне изображенъ неповоротливымъ и тяжелымъ на соображеніе; это особенно видно изъ того мѣста басни, гдѣ онъ и не безъ дѣла:

«У друга на носъ муха сѣла:

Онъ друга обмахнулъ;

Взглянулъ,

А муха на щекъ; согналъ, а муха снова

У друга на носу,

И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,

Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,

Присѣлъ на корточки, не переводить духу,

Самъ думаетъ: «молчи жь, ужъ я тебя,

воструху»!

И, у друга на лбу подкарауля муху,

Что силы есть — хватъ друга камнемъ въ лобъ»!

Другіе звѣри—зайчикъ, собаки, мыши, овцы, быки и проч. являются звѣрями болѣе мирнаго свойства. Зайчикъ является у народа быстрымъ, малосильнымъ, робкимъ, всегда бываетъ на посылкахъ у другихъ звѣрей; иногда только быстрыя ноги его спасаютъ. Не такимъ-ли изображенъ онъ у И. А. Крылова въ баснѣ—«Заяцъ на ловлѣ», когда звѣри изловили медвѣдя, задавили на чистомъ полѣ и стали дѣлить добычу,

«А Заяцъ за ушко медвѣдя тутъ же тянетъ.

«Ба, ты, косой»,

Кричатъ ему: «пожаловаль отколѣ?

Тебя никто на ловлѣ не видалъ».

«Вотъ, братцы!» Заяцъ отвѣчалъ:

«Да изъ лѣсу-то кто-жъ,—все я его пугалъ,

И къ вамъ поставилъ прямо въ поле

Сердечнаго дружка?»

Собака является у народа домашнимъ звѣремъ, участницею въ семейныхъ дѣлахъ человѣка, постояннымъ врагомъ всѣхъ хищныхъ животныхъ. Такою изображена она и у И. А. Крылова. Вспомните, на примѣръ, басню—«Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколы»—когда всѣ они вмѣстѣ поглялись въ неизмѣнной дружбѣ и отправились на охоту; утомленные, отбившись далеко отъ дому, пристали отдохнуть у ручья и задремали...

«Какъ вдругъ изъ лѣсу—шашь

На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть».

Всѣ звѣри разбѣжались, а человѣкъ простился бы съ жизнію, если бы не спасъ его вѣрный песъ: вцѣпившись зубами въ медвѣдя, не разжималъ ихъ, покуда медвѣдь не потерялъ всѣхъ силъ. Въ басняхъ—«Собачья Дружба» и «Двѣ Собаки»—характеръ собачій еще вѣрнѣе сохраненъ.

Овцы, быки, корова въ басняхъ И. А. Крылова представляются, какъ легкая добыча хищныхъ звѣ-

рей. Изъ птицъ весьма типично изображены у И. А. Крылова: пѣтухъ, куры, журавль, ворона, кукушка, горlinka и др. и опять-таки согласно съ умопредставленіемъ народа.

Другіе звѣри, взятые не изъ русской природы—осель, левъ, слонъ, обезьяны и др., обрисованы типично и согласно сатирическимъ цѣлямъ автора. Съ особенною же любовью останавливается И. А. Крыловъ на изображеніи осла, какъ животного, олицетворяющаго собою глупость, невѣжество, педанство; при этомъ нужно сказать, что осель въ умопредставленіи народа не всегда является символомъ глупости. «Осель въ басняхъ И. А. Крылова до того опредѣлился въ характерѣ своемъ», говоритъ Гоголь, «что стоитъ ему только высунуть уши изъ какой-нибудь басни, какъ уже читатель вскрикиваетъ впередъ: это осель Крылова. Осель, не смотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ». Вспомните басню—«Осель», гдѣ онъ, нѣсколько лѣтъ производя кражу по чужимъ огородамъ, возгорѣлся вдругъ чинолюбіемъ, захотѣлъ ордена, и страшно заважничалъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему звонокъ, неразмысли того, что теперь всякая кража и гадость его будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побои на его бока». Въ баснѣ—«Осель и Соловей»—Осель изображенъ типично безсмысленнымъ судьей таланта, особенно въ томъ мѣстѣ басни, когда, выслушавъ прекрасную пѣснь соловья, говоритъ ему, «уставясь въ землю лбомъ»:

«Изрядно», говоритъ: «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился».

Этихъ примѣровъ сближенія, мнѣ кажется, достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что изображе-

ніямъ въ басняхъ И. А. Крылова сообщена та жизнь, которою они живутъ въ умопредставленіи народа. Здѣсь не могу не привести того мѣста изъ стихотворенія Кн. Вяземскаго, въ которомъ поэтически очерчена эта характерность изображеній:

«Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ звѣри дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ».

Наконецъ, мало всего этого: въ басняхъ И. А. Крылова мы можемъ найти и доказательства тому, на сколько благородна была душа его, какъ русскаго человѣка. Доказательства эти найдемъ въ тѣхъ мѣстахъ его басенъ, гдѣ выражаетъ онъ — или свою признательность и благодарность лицамъ, принимавшимъ живѣйшее участіе въ судьбѣ его, или, гдѣ является онъ заступникомъ за все прекрасное въ жизни, почему бы то ни было подвергавшееся преслѣдованію, или, гдѣ слышится его голосъ разумной середины, или, наконецъ, гдѣ выражаетъ онъ чувство любви къ отечеству и сатирическое раздраженіе къ тѣмъ, которые не дорожатъ отечествомъ, не будучи въ силахъ быть ему полезными. Такъ, въ баснѣ — «Василекъ», аллегорически высказавъ чувство признательности къ вѣнценосной своей благотворительницѣ, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, заключаетъ басню такъ:

«О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!

Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!

Смотрите:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно

Былиннѣ-ль, кедру-ли — благотворитъ равно,

И радость по себѣ и счастье оставляетъ;

За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —

Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,

И все его благословляетъ».

Или, въ баснѣ—«Чижъ и Ежъ» И. А. Крыловъ выразилъ благодарность Императору Александру 1-му; въ аллегоріи этой, сравнивъ себя съ чижомъ, замолкнувшимъ, когда, при появленіи Феба, запѣли соловьи, заключаетъ басню такъ:

«Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бѣ Александра пѣлъ».

А Или, въ баснѣ—«Пчела и Мухи», рассказавъ намъ аллегорію, какъ мухи собрались летѣть въ чужіе края, обидившись за то, что ихъ на родинѣ гоняютъ изъ гостей и не даютъ сластями поживиться, придумавъ стеклянные колпаки, и какъ стали подзывать летѣть съ собою пчелу, на что пчела имъ отвѣчала, что ей пріятно жить на родинѣ, гдѣ она сумѣла сѣискать себѣ отъ всѣхъ любовь за соты, заключаетъ басню такъ:

«Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится,
А кто полезнымъ быть способности лишень,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
— Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна». —

И много другихъ примѣровъ можно найти въ басняхъ И. А. Крылова для подтвержденія вышесказанной мысли.

И такъ, вотъ въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается народность басенъ И. А. Крылова: онъ явился въ басняхъ народнымъ въ высшей степени не потому, что старался быть народнымъ, а потому, что не могъ не быть народнымъ; былъ народенъ, смѣю сказать, безсознательно, и едва ли зналъ цѣну этой народности, которую усвоилъ созданіямъ своимъ безъ всякаго труда и усилія. По крайней мѣрѣ, говорить

Бѣлинскій, «его современники мало умѣли цѣнить въ немъ это достоинство: они часто упрекали его за «низкую природу» и ставили на одну съ нимъ доску прочихъ баснописцевъ, которые были несравненно ниже его». Распространить же народность на всю словесность не позволила ограниченность такого рода поэзіи, какъ басня: это въ послѣдствіи совершилъ А. С. Пушкинъ. Итакъ, за И. А. Крыловымъ остается слава русскаго народнаго поэта. Слава же народныхъ поэтовъ не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ обстоятельствъ; противъ нея безсильны предубѣжденія, зависить и злоба; время не разрушаетъ этой славы, оно скорѣе содѣйствуетъ прочному ея возстановленію. Слава такихъ поэтовъ, имена которыхъ гремѣли въ свое время, какъ напр. Кантемира, Ломоносова, Сумарокова и др.. въ настоящее время далеко уменьшилась, и, можетъ быть, для будущаго вѣка совсѣмъ померкнетъ, а слава народныхъ поэтовъ — слава вѣчная: ее не можетъ уменьшить время, не только помрачить; отсюда понятно, почему каждый народъ именами своихъ народныхъ поэтовъ дорожитъ и гордится. Но появленіе большаго числа народныхъ поэтовъ у насъ не мыслимо безъ внесенія въ дѣло нашего образованія, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, изученія народныхъ произведеній; по нимъ должно учиться наше юношество родному слову; учась такимъ образомъ, оно узнаетъ жизнь нашихъ предковъ, увидитъ многосложную картину минувшихъ вѣковъ, познаетъ духъ ихъ, быть и всѣ его, неуловимыя простымъ глазомъ, мельчайшія подробности, услышитъ исповѣдь души своихъ предковъ, разоблаченной до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, дѣйствій, страданій, надеждъ, веселія и грусти, и научится любить все свое родное.

Позволяю себѣ закончить мою бесѣду съ вами, Мм. Гг., словами Жуковскаго: «Будемъ благодарны

И. А. Крылову, во-первыхъ за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ его гениемъ; будемъ благодарны за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущаго поколѣній, которые съ его именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростію жизни; будемъ благодарны за Русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ онъ такъ вѣрно высказалъ его умъ, и съ такою прелестію далъ столько глубокихъ наставленій; наконецъ, будемъ благодарны ему и за знаменитость имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы».

Николай Рощупкинъ.

1868 г. 2 февраля.

Г. Воронежъ.